

BECHA

Часть первая

1

Аксель прогуливался возле банка, поджидая своего брата. Моросил надоедливый дождь. Горный хребет, окутанный туманом, нависал над домами. Вот перед ним главная улица городка, ее составляет ряд домов, аккуратно выкрашенных в неприглядные грязно-желтые и грязно-белые тона; есть среди них и выкрашенные в немислимый цвет, который здесь почему-то принято называть шоколадным. Одна из построек у самого моста резко выделялась в ряду других, она казалась голой и убогой, а ее красный кирпичный брандмауэр жалобно напоминал настоящий город.

«Пожалуй, свети сейчас солнце, все это могло бы произвести идиллическое впечатление», — подумал Аксель. Он взглянул на часы и отметил, что ждет уже целых пятнадцать минут.

Наконец, виляя хвостом, к нему в ноги кинулась рыжеватая охотничья собака; пес повернулся, принялся и снова бросился к своему хозяину. Торкилд поздоровался с братом:

— Прощу прощения, что заставил ждать.

— Мне казалось, что служащие банка педантичны, по крайней мере в отношении времени ухода с работы, — произнес Аксель, а Торкилд расхохотался:

— О Боже, ты выражаешь свою мысль совершенно как датчанин. Пора бы уж тебе вернуться к родному языку, старина.

— Собственно говоря, датский и есть мой родной язык, — произнес Аксель задумчиво.

И тут все его дурное настроение сгустилось, обернулось тоской, ощущением ненужности происходящего. И зачем только он сюда приехал? Неожиданно для себя он высказал то, о чем размышлял целый день:

— Послушай-ка, Торкилд, как ты думаешь, не будет ли отец против, если я немного попутешествую, к примеру, отправлюсь в горы?

— Да ради Бога, отец вовсе не рассчитывает на то, что ты проведешь все лето в этой дыре.

— Ну вот и отлично, — с облегчением произнес Аксель. — Ведь в должность я вступаю только через шесть недель...

— Боже упаси тебя от этого. Прозябать здесь целых шесть недель, когда в этом нет ни малейшей необходимости, совершенно ни к чему.

Они вошли в отель, а когда сняли с себя верхнюю одежду и устроились за столиком у окна неуютного ресторанный зала, оказалось, что говорить, собственно, не о чем. Оба какое-то время молча смотрели на улицу и на дождь, пока Аксель не произнес:

— Знаешь, завтра приезжает Роза Вегнер.

— Да, — Торкилд неожиданно покраснел.

Но Аксель продолжал с улыбкой:

— Насколько я помню, в детстве она была очень красивой. Наверное, стоило бы за ней приударить, чтобы провести время, если только она свободна.

— Ну об этом мне ничего не известно. Впрочем, я не думаю, что флирт с ней сможет показаться тебе увлекательным.

Аксель почувствовал, что Торкилду неприятно обсуждать эту тему. Но больше говорить было не о чем, и он продолжал:

— Фру Вегнер теперь уже нет в живых?

— Она умерла несколько лет назад.

Подали обед. Они молча принялись за еду. Потом Торкилд поднял бокал:

— За твое здоровье. Как хорошо, что ты наконец вернулся домой. И отец так рад этому, — добавил он через секунду.

— Правда? — вскинул брови Аксель. — Ты серьезно так считаешь?

Торкилд кивнул:

— Отец ведь так страдал из-за этого, все время.

Но Аксель не стал развивать эту тему теперь, когда брат, казалось, сделал вступление к серьезному разговору о семейных отношениях, он понял, что не в состоянии сделать это.

А ведь поначалу он так обрадовался, когда Торкилд предложил ему встретиться после окончания рабочего дня в банке и пообедать вместе. Ему казалось, что они чувствуют одинаково, что брат тоже жаждет поговорить с ним, чтобы они могли наконец узнать друг друга. О Господи, ведь они же родные братья!

У него тоже был отчий дом, воспоминания о котором жили в нем в течение стольких неприкаянных лет.

Все эти годы он не забывал Хеллеруд...

Да, мысленно он не раз вспоминал их усадьбу, где ему было все знакомо до мелочей. Белый жилой дом с крыльцом, выходящим во двор, выкрашенная в желтый цвет избушка арендатора, сарай на сваях, рядом с ним красные хозяйственные постройки, выложенный кирпичом амбарный мостик, ясень, растущий перед ним, а вокруг колья с поперечинами для сушки сена, большой клен посередине двора. Особенно хорошо запомнился его осенний наряд, когда макушка дерева становилась багряной и золотистой в лучах заходящего солнца, в то время как уже спускавшиеся на землю сумерки начинали окутывать усадьбу; заросли же ольшаника вдоль реки долго еще оставались совсем зелеными. Он помнил двор, усеянный

желтыми листьями, которые постепенно втаптывались в осеннюю грязь. Помнил он и весенний клен, когда у его корней сплошным ковром пробивались желтые цветы мать-и-мачехи среди ослепительно зеленой нежной травы. Ах, этот сплошной травяной ковер, который покрывал весь двор усадьбы, он знал тут каждую травинку, заросли крапивы за свинарником, дорожки, которые вели от одного сарая к другому, отдельные участки приусадебного двора, усыпанные соломинками, щепками, стружкой. Он тогда был еще совсем ребенком, земля была так близко, даже заросли крапивы представлялись ему в те времена таинственным лесом.

Сад запомнился ему менее отчетливо. Он помнил только, что тот был весь запущенный, заросший и что там росли яблони с корявыми ветвями, покрытыми желтым мхом. Впрочем, в саду он бывал редко. Комнаты в домике арендатора, хлев, амбар, конюшня и кузня внизу ясно запечатлелись в его памяти, так же как каждая балка в потолке, каждая притолока, каждая половица. А вот вид комнат в их собственном доме ускользал из памяти. Зато он ясно видел перед собой Мариуса и Эйвена, детей арендатора, самого арендатора и его жену, Антона, сынишку батрака, а также старую скотницу Эмили — всех он помнил гораздо отчетливей, чем собственных отца и мать, брата и сестру.

Честно говоря, ни к кому из них в ту пору он не чувствовал особой привязанности. Сам он рос дичком, ему не сиделось дома, его больше тянуло к реке с ее обрывистыми глинистыми берегами или в лес за усадьбой. Детский инстинкт осторожно подсказывал, что у взрослых начинается разлад, то время он помнил особенно хорошо. Родители были настолько поглощены своими страстями, что им было не до детей, не до собственного семейного очага, который они сами когда-то создали.

Торкилд и Дорис были тогда для Акселя всего-на-всего малявками. Он сердился, когда его заставляли брать их с собой или требовали, чтобы он приглядывал за ними. Зачастую они вместе с сыновьями арендатора пробирались вдоль изгороди и прятались в лесу, в то время как маленький братишка Торкилд плакал и тоненьким голоском звал старшего брата.

При воспоминании об этом Аксель почувствовал угрызения совести. Он быстро поднял рюмку и посмотрел на брата:

— За здравие! Помнишь, как мы с Мариусом Хансеном убежали от тебя, не желая играть с тобой? Поверишь ли, я потом так часто раскаивался в этом!

Торкилд покачал головой:

— Не помню.

Акселю было всего одиннадцать лет, когда в семье все окончательно разладилось. Ему пришлось уехать к бабушке по отцовской линии в Хиндевадгорден. Но бабушкин дом не стал ему родным. Там ему было так неприютно, но еще более неприкаянным он ощутил себя у дяди в Копенгагене и уж совсем чужаком в школе в Ганновере, да, впрочем, и на фабрике в Берлине тоже. У него появилась прямо-таки навязчивая идея, что он должен найти себе место в Норвегии и наконец обрести свой родной дом. Когда это удалось, он написал брату, которого совсем не знал, и теперь ему неловко. Хотя, собственно, почему-то все эти годы он тосковал и по нему, и по сестре, и даже по отцу. В течение долгих лет он ненавидел отца, пока в конце концов не изменил свое мнение, сообразив, что у отца, вероятно, было какое-то право прожить жизнь так, как он хотел. Теперь, став взрослым, он вполне мог справедливее судить и о родне с материнской стороны, теперь-то он настолько хорошо узнал многих из них, что ему совсем нетрудно было оправдать поведение отца.